В. А. Кожевниковъ.

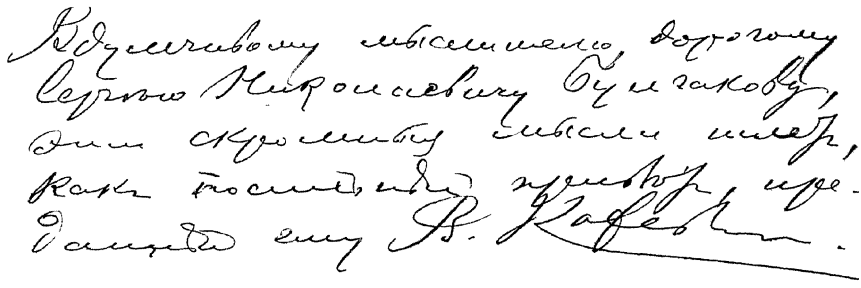
Мысли объ изученіи святоотеческихъ твореній.

Изданіе „Религіозно-философской Библіотеки".

Цѣна 20 коп.

МОСКВА
Типо-Литографія И. Ефимова, преем. И. С Ефимовъ. Бол Якиманка, соб д
1912.

ЕДИНОСТИ
УЧАДЖИИ
35295



Мысли объ изученіи святоотеческихъ твореній *).

Одною изъ главныхъ причинъ равнодушія къ Церкви въ наши дни среди „интеллигентной“ части общества должно считать то глубокое невѣдѣніе, которое, даже у многихъ вѣрующихъ, замѣчается относительно исторіи Церкви и содержанія ея ученія, поскольку таковое выразилось въ святоотеческихъ твореніяхъ. Огромной цѣнности этихъ послѣднихъ очень многіе не понимаютъ, и даже понять не могутъ, и именно потому, что ее едва знаютъ, кое-какъ знаютъ, а часто и совсѣмъ не знаютъ. Говоря это, я разумѣю, конечно, не спеціалистовъ, богослововъ и историковъ, хотя и они иногда не безгрѣшны въ этомъ отношеніи, я разумѣю болѣе широкій кругъ просвѣщенныхъ лицъ, живущихъ будто-бы столь сложными нравственными настроеніями и столь разнообразными умственными интересами. Дѣйствительно-ли глубоки тѣ и другіе,— мы здѣсь разслѣдовать не будемъ; но многочисленны и разнообразны они внѣ всякаго сомнѣнія, и, соотвѣтственно этому, очень широкъ и современный выборъ предметовъ и темъ для чтенія и изученія. Не странно-ли, что, при такой многосторонности, возможны столь существенные пробѣлы знанія, какъ опущеніе цѣлой области святоотеческихъ писаній, необходимыхъ и незамѣнимыхъ не только въ рели-

*) Вступленіе къ чтеніямъ объ отцахъ Церкви въ «Кружкѣ ищущихъ христіанскаго просвѣщенія» въ 1909—10 г. г

гіозно-воспитательномъ смыслѣ, но и въ общеобразовательномъ, общекультурномъ?..

Для такого равнодушія и невѣжества нѣтъ оправданія въ личномъ несочувствіи къ жизни и ученію Церкви такія міровыя величины и силы, какъ тѣ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, такія могучія, многовѣковыя вліянія на прошлую и настоящую жизнь, на судьбы всего человѣчества не упраздняются по прихоти личнаго настроенія или убѣжденія, освѣдомленность о нихъ обязательна, независимо отъ нашихъ субъективныхъ или партійныхъ симпатій и антипатій, она предписывается для дѣйствительно образованнаго человѣка уже по однимъ требованіямъ добросовѣстнаго духовнаго развитія и старательнаго просвѣщенія; безъ этого знанія невозможенъ правильный историческій кругозоръ. Для лицъ-же, не разорвавшихъ союза съ Церковью, для вѣрующихъ знакомство со святоотеческими писаніями существенно важно по соображеніямъ еще иного, и несравненно важнѣйшаго свойства, а именно, какъ наилучшее наставленіе къ правильному пониманію, усвоенію и осуществленію церковно-христіанскаго смысла жизни, какъ раскрытіе средствъ и способовъ къ достиженію ея цѣли.

И несмотря на все это, повторяемъ, какое изумительное равнодушіе, какое печальное невѣдѣніе въ этомъ отношеніи наблюдается въ наше время въ русскомъ обществѣ, забывшемъ, къ стыду своему, что все родное просвѣщеніе въ былые вѣка создалось и развивалось именно въ тѣснѣйшей связи съ сокровищами святоотеческой письменности!

Не пора-ли отрезвиться отъ этого духовнаго неряшества, отъ этого грѣха неблагодарности передъ прошлымъ и грѣха легкомыслія передъ настоящимъ, которое въ своихъ нравственно-религіозныхъ задачахъ не можетъ быть основательно постигнуто безъ связи съ великимъ прошлымъ Церкви въ ея ученіи и жизни, а эта жизнь и это ученіе, въ свою очередь, не мо-

гутъ быть правильно оцѣнены безъ знанія ихъ лучшихъ выразителей—святоотеческихъ твореній. Не пора ли „вернуться къ Отцамъ“ для добросовѣстнаго и любвеобильнаго изученія ихъ, не только какъ историческихъ памятниковъ вѣковъ минувшихъ, но и какъ наставниковъ жизни духовной для дней настоящихъ и для вѣковъ грядущихъ?.

Но этотъ призывъ тотчасъ же встрѣчаютъ возраженіями о трудностяхъ его исполненія. Не отрицаемъ,—трудности есть, и не малыя! Прежде всего древне-христіанская письменность въ своей совокупности представляется очень объемистымъ цѣлымъ, а вызванная ею новая историческая и критическая литература становится даже трудно обозримою. Правда, по отношенію къ наиболѣе важной, ранней порѣ развитія христіанства матеріалы отрывочны и скудны; но это ничуть не уменьшаетъ, а, напротивъ, значительно увеличиваетъ трудности научнаго обслѣдованія этого періода: малочисленность фактическихъ данныхъ о времени до половины II вѣка и случайный, прерывистый характеръ дошедшихъ до насъ свѣдѣній о немъ оставляютъ въ густомъ туманѣ цѣлый рядъ существенно важныхъ вопросовъ о происхожденіи и первоначальномъ развитіи такихъ сторонъ жизни Церкви, которыя стали осново-полагательными для нея и въ значительной степени предопредѣлили ея дальнѣйшую судьбу. Соотвѣтственно такому положенію и свойствамъ первоисточниковъ, разростается просторъ для предположеній, сомнѣній, а нерѣдко—и отрицаній, и притомъ иногда кое-чего такого, что, съ точки зрѣнія церковной, представляется въ высокой степени важнымъ и цѣннымъ.

Отсюда—необходимость, въ примѣненіи именно къ этой ранней порѣ жизни Церкви, особенно старательнаго и подробнаго научнаго разслѣдованія первоисточниковъ, безъ чего нельзя должнымъ образомъ разобраться тамъ, гдѣ сомнѣніе уже возбуждено и грозитъ вышеуказанною опасностью. Конечно, мы могли бы

не смущаться послѣднею, если бы люди нашего времени, и молодежь въ особенности, обращались къ памятникамъ первохристіанства не подъ вліяніемъ научнаго интереса, а исключительно ради той цѣли, которую мы, не колеблясь, ставимъ выше научной,— ради цѣли духовно-назидательной. Для тѣхъ, кто съ такимъ благоговѣйнымъ намѣреніемъ и соотвѣтственнымъ настроеніемъ обратитъ взоры на достопочтенныя страницы древнехристіанской письменности и даже на отрывочныя строки, къ ней относящіяся, для тѣхъ, мы твердо вѣримъ, прольется животворный свѣтъ отъ вдумчивыхъ ученій, отъ чистыхъ чувствъ и величавыхъ жизненныхъ примѣровъ, здѣсь запечатлѣнныхъ; и въ сіяньи этихъ лучей благодатныхъ растаютъ, какъ минующія, предразсвѣтныя тѣни разныхъ историческихъ и иныхъ сомнѣній пытливаго ума, еще не согрѣтаго вѣрою сердца.

Но не всѣ находятся подъ счастливымъ вѣяніемъ такого настроенія, а тамъ, гдѣ еще нѣтъ его, естественно встрѣчать и личныя недоумѣнія и, несравненно чаще, предубѣжденія, по-наслышкѣ отъ другихъ воспринятыя, или же исходящія изъ недостаточнаго, либо тенденціозно-односторонняго чтенія. И вотъ почему, въ противодѣйствіе всему этому, необходимо самымъ серьезнымъ, самымъ добросовѣстнымъ образомъ считаться и съ научною стороною задачи, стоять на высотѣ ея современнаго положенія; а это, разумѣется, дѣло далеко не легкое.

Другая трудность при привлеченіи вниманія и сочувствія къ занятіямъ святоотеческими твореніями можетъ быть названа *педагогическою*. Она въ томъ, что вообще не легко современные умы, въ особенности у молодежи, столь увлекающейся новымъ, ближайшимъ, злободневнымъ, заинтересовать памятниками далекихъ временъ. Кому неизвѣстно, что нерасположеніе къ давнему прошлому вообще, къ древности, ошибочно отождествляемой съ ветхостью и мертвечиной, что непониманіе и отрицаніе неизбѣжнаго и законнаго

вліянія прошлаго на настоящее,—кому не извѣстно, говоря короче, что *неисторичность жизневоззрѣнія* есть одинъ изъ основныхъ недостатковъ значительной части нашей интеллигенціи, въ ея, въ данномъ случаѣ, невыгодномъ отличіи отъ западной, гдѣ, несмотря на горячее сочувствіе прогрессу, послѣдній не мыслится какъ отрицаніе прошлаго, не является какимъ-то вѣчно новымъ твореніемъ сызнова и изъ ничего.

Нерадивое и пренебрежительное отношеніе къ историческому элементу въ настроеніи извѣстной части нашего общества, начинаетъ, къ счастію, встрѣчать уже серьезный отпоръ въ нѣкоторыхъ областяхъ духовной жизни, напримѣръ, въ сферѣ художественной; но оно царитъ еще въ самыхъ широкихъ размѣрахъ во взглядахъ многихъ на религію. Именно примѣнительно къ ней часто приходится слышать, будто „старому подобаетъ стариться, а молодому расти“; именно здѣсь особенно часто видятъ въ прошломъ только отжившее, умирающее или уже мертвое, и призываютъ къ новымъ началамъ, изъ которыхъ, на рубежѣ гробового входа, должна иная, младая жизнь взыграть. У религіи въ наше время, говорятъ, иныя цѣли, иныя примѣненія, чѣмъ прежде; иные, слѣдовательно, должны быть и пути, и средства; а болѣе смѣлые новаторы добавляютъ: „а потому и иныя начала, иныя основы“. Разубѣдить въ этомъ предвзятомъ мнѣніи чрезвычайно трудно, и въ этомъ—вторая тяжелая сторона задачи.

Но, не углубляясь въ частности, спросимъ и мы въ свою очередь: откуда столь рѣшительное, столь догматическое заключеніе? Достаточно ли оно обосновано исторически и психологически? Смѣло отвѣчаемъ: исторически—не обосновано! Ибо относительно христіанства нѣтъ историческихъ данныхъ, чтобы утверждать, будто оно изжило свои первоначальныя, основныя начала; неувядающей жизнеспособности христіанства нечего доказывать: она уже *доказана* фактически, не разсужденіями, а фактами, доказана

широтою и глубиною его вліянія на пространствѣ столькихъ вѣковъ, несмотря на различія временъ и мѣстъ, расъ и культуръ. Возможно ли, мыслимо ли было бы такое вліяніе, если бы въ христіанствѣ не было заложено колоссальной способности къ развитію среди новыхъ и новыхъ условій жизни человѣчества? Какъ Евангеліе есть вѣчная книга, неисчерпаемая всею долгою эволюціею всемірно-историческаго процесса, такъ и христіанство, болѣе чего-либо другого въ исторіи, универсально по божественному плану, въ основу его положенному, неистощимо по возможностямъ и силамъ для его выполненія. Итакъ, въ историческомъ смыслѣ, можно говорить съ основаніемъ только о развитіи, но не о замѣнѣ христіанства. Не то же ли самое—и въ смыслѣ психологическомъ? Христіанство изъ всѣхъ религій—религія по преимуществу; и если всякая религія рождается изъ запроса на абсолютное и вѣчное, то совершеннѣйшій изъ исторически извѣстныхъ отвѣтовъ на эту неуничтожимую потребность души человѣческой, христіанство, можетъ ли не содержать въ себѣ и основы абсолютной, вѣчной и такой же цѣли? Мало того! даже примѣнительно къ путямъ, вытекающимъ изъ этой основы, и къ средствамъ достиженія этой цѣли, въ правѣ ли мы заранѣе, а-пріорно рѣшать, что они должны неизбѣжно мѣняться, даже въ существенныхъ своихъ чертахъ? Послѣ добросовѣстной, широкой провѣрки на опытѣ прошлаго и настоящаго, не оказывается ли, наоборотъ, что даже пути и средства религіозныхъ стремленій и переживаній въ христіанствѣ, тамъ, гдѣ они искренни и глубоки, и гдѣ результаты ихъ плодотворны и благотворны, остаются въ своей сокровенной сущности сходными, чтобы не сказать тождественными, соотвѣтственно неизмѣннымъ началамъ и высшимъ цѣлямъ религіознаго процесса, понимаемаго и переживаемаго по-христіански. Мѣняется внѣшность, историческая окраска; психологія же самого духовнаго процесса, его внут-

ренняя жизнь остается та же, потому-что абсолютное (а христіанство и есть высшее изъ абсолютнаго) не старѣетъ и не упраздняется: оно—„истина Господня, пребывающая во вѣкъ".

Подтверждается все это широкимъ и яркимъ историческимъ опытомъ на жизни христіанства, но христіанства, разумѣется, *церковнаго*, ибо внѣ Церкви — хаосъ, неустойчивость и эфемерность, разнообразіе не мощи, а немощи, не развитіе закономѣрное вѣчнаго, а смѣна произвольнаго и мимолетнаго, не единеніе и миръ, а распадъ и раздоръ. Для того, кто безпристрастно прослѣдитъ, сравнитъ и разцѣнитъ результаты того и другого, для того далекое прошлое Церкви съ ея стремленіемъ къ единству и постоянству предстанетъ не вечернею угасающею зарею чего-то отжившаго, умирающаго, а разсвѣтомъ вѣры первоначальной, зарею утреннею, чистою и свѣжею, полною жизни юностью христіанства, изъ обилія благодатныхъ силъ которой и наша дряхлѣющая духомъ пора можетъ почерпать ободряющіе примѣры и наученія для личнаго спасенія и для рѣшенія общихъ современныхъ религіозно-нравственныхъ задачъ, ибо тамъ, въ этой священной дали, рядомъ со многимъ окружающимъ, мутнымъ и темнымъ, даны все же неумирающія фактическія указанія: гдѣ, въ чемъ и какъ надо искать и осуществлять истину вѣчную и правду Божію

Задача ознакомляющихся съ древне-христіанскою письменностью заключается, слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія, въ обнаруженіи того, что есть неветшающаго въ этихъ памятникахъ первоначальныхъ христіанскихъ мыслей, чувствъ и подвиговъ, — того, что мы въ правѣ считать остающимся въ силѣ и обязательнымъ или, по меньшей мѣрѣ, желательнымъ, полезнымъ и для насъ. Надо ли пояснять, сколько частныхъ трудностей приходится преодолѣвать при такомъ отдѣленіи второстепеннаго отъ важнѣйшаго, мѣстнаго и временнаго отъ общехристіанскаго, по-

стояннаго, неотмѣнимаго? какъ легко здѣсь либо преувеличить, безъ достаточныхъ основаній, значеніе перваго, либо, столь же произвольно, принизить или просмотрѣть второе, и вывести такимъ образомъ заключенія не только ошибочныя въ смыслѣ научномъ, но и опасныя въ смыслѣ правилъ для руководства въ жизни духовной?..

Но каковы бы ни были трудности и опасности, онѣ значительно уменьшаются для тѣхъ, кто, при изученіи древне-христіанской письменности, сохраняя обще-научные пріемы изслѣдованія, вноситъ въ послѣднее высшій критерій для сужденія въ этой области: я разумѣю тотъ свѣтъ, который должно проливать на эти занятія полное вѣры и любви отношеніе научно-пытливаго ума къ авторитету Священнаго Писанія и Священнаго же Преданія. Только яркая звѣзда Божественнаго Откровенія, даннаго въ Словѣ Божіемъ, Писаніи и въ дѣлѣ Божіемъ, въ Церкви, можетъ, въ многочисленныхъ сомнительныхъ случаяхъ, быть нашею надежною путеводительницею среди обманчивыхъ сумерекъ и блуждающихъ огней того отрывочнаго и скуднаго знанія, которое съ такими усиліями воздвигается на дошедшихъ до насъ обломкахъ памятниковъ далекаго, загадочнаго прошлаго, столь несхожаго съ нашимъ вѣкомъ. Скажемъ болѣе! Какъ бы священны сами по себѣ ни были святоотескія писанія, надо все же помнить, что ихъ духовная истина и красота есть свѣтъ, отображенный изъ благодатнаго первоисточника Божественнаго Откровенія. Такъ смотрятъ и въ этомъ именно смыслѣ придаютъ значеніе своимъ твореніямъ сами отцы Церкви, непрерывно ссылающіеся на предзнаменованное пророками и возвѣщенное Христомъ и апостолами; на этомъ согласіи съ истинами, „слышанными исперва“, сначала непосредственно, „лицомъ къ лицу“, потомъ въ Писаніи, утверждаютъ они права и цѣнность Священнаго Преданія, въ созиданіи и развитіи коего и сами они трудятся. Изъ благодатнаго источника Св.

Писанія подобаетъ намъ, слѣдовательно, почерпать и свѣтъ, и силы, и надежду для рѣшенія недоумѣній и затрудненій, о коихъ мы выше говорили. Но не забудемъ и другой, неразлучный съ первымъ, источникъ духовнаго вѣдѣнія и духовной мудрости, Священное Вселенско-Церковное Преданіе. Вѣдь и само Св. Писаніе въ его осязательномъ, человѣческомъ выявленіи дано въ Церкви, невидимое Божественное Откровеніе выражено видимо, какъ писаніе, Церковью, въ Церкви и для Церкви; и тою же Церковью, возгрѣваемою Святымъ Духомъ, держащею ключи разумѣнія духовнаго, пребывающею „столпомъ и утвержденіемъ истины", дано и истолкованіе всего существеннаго для спасенія въ Писаніи,—тою Церковью, которая уже была, когда еще не было Писанія, которая оставалась, когда нѣкоторыя части Писанія утрачивались, или временно, въ отдѣльныхъ Церквахъ, въ составъ его не включались, которая, въ лицѣ апостоловъ, а черезъ нихъ—и ихъ преемниковъ, знала не одно то, что, изъ свыше откровеннаго, было впослѣдствіи записано, но и то, что, хотя и не попало въ запись, но было однако столь обильно, что, будь оно записано,—„ни самому всему міру вмѣстити пишемыхъ книгъ",—по слову Ученика Возлюбленнаго. Писаніе,—и духомъ, и буквою коего столько злоупотребляли отдѣлявшіеся отъ Церкви и которое такъ опустошено современною критикою, исходящею изъ субъективнаго пониманія отдѣльныхъ умовъ,—Писаніе соблюдалось и истолковывалось во всемъ существенномъ устойчиво и непоколебимо не иначе, какъ опираясь на „столпъ и утвержденіе истины"—на Церковь. Итакъ, не иначе, какъ проникнувшись искренне и глубоко духомъ церковнымъ, воспринявши его въ благодатныхъ дарахъ, живущихъ въ Церкви: въ молитвѣ, въ богослуженіи, въ таинствахъ, въ вѣроученіи и въ жизневоплощеніи всей этой совокупности церковнаго сознанія и ощущенія, станемъ вполнѣ способными къ правильному воспріятію и усвоенію и той глубокой мудрости, ко-

торой полны святоотеческія творенія, и та же совокупность силъ духа истинной церковности поможетъ намъ разобраться и въ тѣхъ трудностяхъ, о которыхъ мы упоминали.

Въ противоположность церковному пониманію и обычаю, новѣйшая историко-религіозная критика выступаетъ съ рѣзкимъ возраженіемъ противъ введенія въ патрологическія изслѣдованія правила соображаться съ указаніями Св. Писанія и Св. Преданія. такое руководство отвергается подъ предлогомъ ненаучности этого пріема и его помѣхи свободѣ и непредубѣжденности изслѣдованія. Вотъ почему Фридр. Нитчъ (Geschichtliches und Methodologisches zur Patristik въ Jahrbücher fur deutsche Theologie, X, 37—63) требуетъ, чтобы въ патрологіи „литературная точка зрѣнія стала преобладающею настолько, чтобы впредь для любого древне-христіанскаго произведенія совсѣмъ не имѣлъ бы опредѣляющаго значенія вопросъ о томъ, кто написалъ это произведеніе: отецъ ли Церкви или нѣтъ". Францъ Овербекъ (Ueber die Anfänge der patristischen Literatur въ Sybel's Historische Zeitschrift Band XLVIII, 417 — 472) идетъ еще дальше: онъ находитъ, что историко-литературная точка зрѣнія должна быть въ патрологіи уже не преобладающею, а „единственною". Считая такую постановку, пожалуй, уже черезчуръ радикальною, авторъ новѣйшаго, наибольше распространеннаго протестантскаго учебника исторіи древне-христіанской литературы Крюгеръ полагаетъ, что „во всякомъ случаѣ историко-литературная точка зрѣнія должна быть въ патрологіи поставлена на первомъ планѣ; до богословскаго же и церковнаго значенія даннаго писателя исторіи литературы нѣтъ никакого дѣла" (Krüger Geschichte der altchristlichen Litteratur. 1 und 2 Auflage. 2 Ausgabe. Freiburg im Breisgau. 1898. Vorrede, XI). Этимъ-де она и „отличается отъ патрологіи, которая, исходя изъ заимствованнаго у догматики понятія Отца Церкви, является особою отраслью католическаго богословія

и руководствуется соотвѣтствующимъ выборомъ матеріала и таковыми же пріемами его обработки" (Тамъ-же, § 1).

Но именно благодаря усвоенію такой точки зрѣнія, преобладающее на Западѣ, а отчасти и у насъ встрѣчающееся направленіе изслѣдованій древне-христіанскихъ памятниковъ превратило патрологію въ простую исторію литературы, для которой, по словамъ того же Крюгера, вся задача сводится „къ чисто-литературному познанію и такой же оцѣнкѣ формъ и связи произведеній, безъ принятія въ соображеніе ихъ церковнаго и богословскаго значенія (Тамъ-же: § 1. Die Aufgabe). Разрушительныя слѣдствія такого метода очевидны на множествѣ отдѣльныхъ современныхъ ученыхъ работъ и на общихъ выводахъ. Вотъ они въ саркастической характеристикѣ одного изъ солиднѣйшихъ западныхъ знатоковъ патрологіи, Барденгевера: „такъ называемые Отцы Церкви оказываются представителями только личныхъ и очень измѣнчивыхъ мнѣній; общепризнанной вѣры, о которой они могли бы свидѣтельствовать, будто бы вовсе не существовало, выраженія: „церковная и свято-отеческая письменность" превращаются въ названія, лишенныя содержанія; различіе между церковнымъ и не церковнымъ, правовѣрнымъ и еретическимъ лишается будто бы всякаго внутренняго оправданія, всякаго фактическаго обоснованія,.. однимъ словомъ, исконная патрологія теряетъ подъ собою почву, — рушится" (Bardenhewer. Geschichte der altkirchlichen Litteratur, Freiburg im Breisgau. 1902. I, 28), а съ нею и церковная вѣра, поскольку она укрѣпляется на святоотеческомъ преданіи, становится „фикціей, совсѣмъ несоотвѣтствующей исторической дѣйствительности" (тамъ же 27 — 28). И все это — въ угоду будто бы требованіямъ полноты и свободы научнаго изслѣдованія!..

Не думаемъ и мы отрицать ихъ! Но въ указанномъ сейчасъ направленіи мы имѣемъ дѣло съ незамѣчае-

мымъ или дурно замаскированнымъ заблужденіемъ, а не съ трезвою научностью! Въ самомъ дѣлѣ, высшимъ проявленіемъ какъ-разъ *ненаучности* и должно считать игнорированіе въ области изслѣдованія предмета или явленія того начала, которое составляетъ ихъ жизненную атмосферу и ихъ первоисточникъ. А это именно и дѣлаютъ тѣ, которые, при изученіи твореній, созданныхъ Отцами *Церкви*, въ духѣ *церковномъ*, порожденныхъ живѣйшею вѣрою *церковною*, отрицаютъ принципіальное значеніе и вліяніе Церкви, ея вѣроученія и ея преданія, говоря, что „до всего этого имъ и дѣла никакого нѣтъ“. Если этотъ основной элементъ столь развязно отстраняется прочь изслѣдователемъ, если онъ самимъ имъ слишкомъ мало воспринимается или совсѣмъ не ощущается, какъ родственное, органически понятное и близкое начало,—тогда не помогутъ, не возмѣстятъ этого пробѣла никакая полнота эрудиціи, никакое усердіе въ научныхъ поискахъ, никакая проницательность и тонкость критическихъ сужденій: ученость окажется грудой мертвыхъ костей, безнадежно ждущихъ духа воскрешающаго, усердіе въ трудѣ—не животворящею, а разлагающею силою, а проницательность и тонкость въ разцѣнкѣ сравнительныхъ мелочей не избавитъ отъ слѣпоты въ главномъ, въ духовномъ. Тогда до содержанія внутренняго, до души явленій и ученій дѣйствительно уже не будетъ дѣла! Но зато что-же и останется?—Одна только муравьиная работа надъ формами внѣшними, скрывающая подъ кропотливо вытканнымъ узоромъ исторической критики внутреннюю пустоту и гниль.

Вотъ трагическій исходъ ученыхъ трудовъ, не озаряемыхъ свѣтомъ вѣры, въ примѣненіи къ разслѣдованію святоотеческихъ твореній, трудовъ умышленно или безсознательно вынимающихъ изъ этихъ твореній „душу живую“, замѣнить которую нечѣмъ, ибо, по слову Писанія, нѣтъ выкупа за эту драгоцѣнность. Сознавши это, почерпнемъ же въ единеніи съ духомъ

церковнымъ главную способность къ уразумѣнію святоотеческихъ твореній, способность *сродственно и жизненно* постигать ихъ, какъ выраженіе именно жизненнаго духа Церкви. Трудности останутся, конечно, и для проникшагося этимъ настроеніемъ; но, по крайней мѣрѣ, будетъ прочная основа для отношенія къ затрудненіямъ и для посильнаго превозможенія ихъ. А разъ это будетъ, малодушно, изъ за трудностей, сторониться отъ изученія области, невѣдѣніе въ которой, какъ мы уже сказали, недопустимо въ умѣ дѣйствительно просвѣщенномъ, каковъ бы онъ ни былъ, вѣрующій или отрицающій религіозное.

Но небрежность, непозволительная съ научной точки зрѣнія въ отрицателѣ, становится въ лицѣ вѣрующаго непростительною уже и въ нравственномъ смыслѣ, какъ небреженіе къ сокровищу, принципіально признаваемому, а практически заброшенному. Не странно-ли, въ самомъ дѣлѣ, что святоотеческія творенія въ наши дни лучше извѣстны вѣрующимъ средняго и малаго уровня образованія, нежели вѣрующимъ болѣе просвѣщеннымъ въ другихъ отношеніяхъ? И не еще ли удивительнѣе встрѣчать нерѣдко самихъ пастырей или служителей Церкви, живо интересующихся сравнительной миѳологіей, спорами о „Babel und Bibel“, буддизмомъ, спиритизмомъ, теософіей, и равнодушныхъ къ сокровищамъ святоотеческихъ твореній, столь поверхностно извѣстнымъ или забытымъ, и къ памятникамъ раннихъ дней христіанства, вновь открываемымъ?.. Пора восполнить эту духовную недоимку! Пора заглянуть впервые или вновь пристальнѣе всмотрѣться въ этотъ міръ величавой духовной красоты и глубины мысли, которую только недавно начали цѣнить и съ чисто-философской стороны!

Необходимо это и въ цѣляхъ апологетическихъ. На тѣхъ, кто живетъ и мыслитъ въ духѣ христіанской церковности, лежитъ обязанность дать, въ случаѣ надобности, отчетъ въ своихъ церковно-христіанскихъ убѣжденіяхъ иначе мыслящимъ и противопоставить вѣс-

кіе факты и строгіе выводы возраженіямъ, столь часто въ наши дни раздающимся противъ Церкви вообще, противъ авторитета и строя православной Церкви въ частности. Но какъ выполнить эту почетную обязанность передъ собою и другими при незнакомствѣ съ историческими опорами этой стороны нашихъ религіозныхъ убѣжденій? А между тѣмъ можно съ увѣренностью сказать, что усилія почерпнуть подкрѣпленія этого рода въ памятникахъ древняго христіанства, въ твореніяхъ Отцовъ Церкви въ особенности, окажутся удивительно плодотворными: многія изъ предубѣжденій противъ Церкви, ея авторитета, ея организаціи разсѣются, когда, отъ сужденій обо всемъ этомъ по-наслышкѣ, по неточной, либо невѣрной передачѣ, мы обратимся непосредственно къ первоисточникамъ, къ свидѣтельству очевидцевъ, устроителей Церкви и достойныхъ носителей ея духа. Какъ многое изъ того, что нынѣ выдается за неважное, искусственно или разсчетливо придуманное, или за порожденіе позднѣйшаго времени, либо за искаженіе первоначальнаго, окажется существеннымъ, естественно возникшимъ, изначальнымъ или глубоко-древнимъ, необходимымъ для своего времени, драгоцѣннымъ и для нашего!

Таковы разнообразныя общаго свойства побужденія къ занятіямъ твореніями Отцовъ Церкви для просвѣщенныхъ людей нашего времени. Необходимо присоединить еще одно соображеніе, касающееся особо насъ, какъ православныхъ. Патрологію, въ противоположность протестантамъ, разлагающимъ ее въ исторію личныхъ и случайныхъ мнѣній, безъ связи съ ученіемъ Церкви, католики самодовольно назвали, не безъ нѣкотораго основанія, наукою *католическою*. Но гораздо правильнѣе считать и звать ее *каѳолическою* и въ этомъ смыслѣ—*православною*, такъ какъ православіе и есть каѳоличность, вселенскость, начало добровольнаго церковнаго объединенія, одинаково далекое съ одной стороны—отъ католическаго іерар-

хическаго ига, угнетающаго личность, а съ другой— отъ протестантской индивидуалистической розни, разрушающей единство. Патрологія, по самой природѣ своего предмета, по содержанію его, по способу соглашенія и убѣжденія посредствомъ вселенскаго признанія основъ вѣры и церковнаго преданія о нихъ, есть дисциплина примиряющая, отрасль знанія, воспитывающая чувство духовнаго родства, органическую солидарность въ высшей человѣческой семьѣ, самой емкой въ ширину, самой содержательной въ *глубину*— въ Церкви Недаромъ это — „*наука объ Отцахъ*"! Болѣзненно напряженному, крайнему индивидуализму нашихъ дней, безсильно, хотя и пламенно мечтающему о солидарности и не умѣющему, однако, даже приблизиться къ ней въ своей безсердечной борьбѣ за существованіе — съ одной стороны и въ своемъ надменномъ умственномъ аристократизмѣ—съ другой, нашему вѣку всевозможныхъ распадовъ и противорѣчій идеалъ органическаго духовнаго единства, данный въ Церкви, идеалъ не вырождающійся ни въ угнетеніе личности, ни въ произволъ ея, долженъ бы стать особенно дорогимъ, если бы онъ не былъ забытъ по невѣдѣнію и неблагодарности или искажаемъ по предубѣжденію. Православію же, какъ зиждущемуся на началѣ братскаго, соборнаго, добровольнаго единенія въ существенномъ, съ сохраненіемъ свободы и различій во второстепенномъ, временномъ и мѣстномъ, свободы къ развитію мысли и жизни церковной на условіи сохраненія вѣрности основному, незамѣнимому и потому неотмѣнимому,—православію, повторяемъ, „страна Отцовъ", то есть, творенія и духъ ихъ, должна быть, преимущественно передъ инославіемъ, дорогою, возлюбленною родиною. Ввести въ нее незнакомыхъ съ нею, вернуть ученыхъ сыновъ, заблудившихся по распутіямъ и околицамъ, на исконный широкій путь, по которому шла вселенская Церковь отъ ея колыбели до разцвѣта, есть настоятельнѣйшая потребность современной русской богословской науки,

въ которой богатству знаній и обилію ученыхъ силъ и способностей далеко не всегда соотвѣтствуетъ проникновеніе духомъ подлинной православной церковности.

Но таже задача, въ извѣстной степени и въ иной, разумѣется, постановкѣ, относится и ко всему нашему общественно-религіозному сознанію, которое до тѣхъ только поръ и было самобытно и стройно, пока черпало основы своего нравственно-духовнаго устроенія въ значительной мѣрѣ изъ глубокаго и здороваго источника церковно-отеческой мудрости. Мудрость эта предназначалась, да и теперь относится не къ однимъ избраннымъ умамъ, а ко всѣмъ душамъ вѣрующимъ, жаждущимъ духовнаго, „умнаго“ вѣдѣнія. Въ ней надо искать не одного *наученія*, но и *поученія*, не одного удовлетворенія простой любознательности, но и укрѣпленія духовнаго сознанія и настроенія въ положительно-христіанскомъ, церковномъ смыслѣ. И эту цѣль мы не колеблемся поставить на главномъ, на первенствующемъ мѣстѣ. Она и доступнѣе, и важнѣе:—*доступнѣе*, потому что не требуетъ трудно осуществимаго для многихъ сосредоточенія вниманія и времени на объемистомъ, сложномъ и не легкомъ для усвоенія, ученомъ аппаратѣ современной патрологіи; *важнѣе* же поучительная цѣль, сравнительно съ научительною, настолько, насколько цѣлая жизнь, устрояемая въ духѣ христіанскомъ по образцамъ праведниковъ и святыхъ Божіихъ и по завѣту церковному, цѣннѣе одного изъ самыхъ драгоцѣнныхъ средствъ должнаго устроенія жизни, — знанія. Я говорю „средствъ“, а не „цѣлей“, потому что, при всей своей высокой цѣнности, самодовлѣющею, верховною цѣлью, самоцѣлью, знаніе быть не можетъ. Верховною цѣлью жизни можетъ быть не знаніе, а дѣло, высшее, всѣмъ доступное, но и для всѣхъ обязательное, хотя и добровольное, дѣло личнаго и общаго спасенія черезъ единеніе съ Богомъ и преобразованіе себя и другихъ, міра и жизни въ новую тварь во Христѣ при помощи

Его благодатныхъ даровъ, ниспосылаемыхъ Имъ Церкви. Болѣе, чѣмъ въ какой либо иной отрасли знанія, цѣль эта должна быть непрестанно передъ нами въ „наукѣ объ Отцахъ“, и менѣе, чѣмъ гдѣ либо, можетъ она здѣсь навлекать упрекъ во внесеніи какого то принципіальнаго раздвоенія или противопоставленія въ предметъ занятій, въ объектъ изслѣдованія. Своеобразная красота и величавость „науки объ Отцахъ“, при церковной, основной точкѣ зрѣнія на нее, именно и состоитъ въ гармоніи запросовъ вѣры и отвѣтовъ знанія. Пусть не на всѣ историческіе и критическіе запросы сможетъ отвѣтить здѣсь знаніе! Но не на все и призвано оно отвѣчать въ области вѣдѣнія религіознаго, у котораго даже историческія стороны въ своихъ сокровеннѣйшихъ глубинахъ разоблачаются не при дымномъ, вѣтромъ колеблемомъ факелѣ ученой критики, а при ясномъ озареніи луча вѣры. Именно здѣсь недомолвки и пробѣлы знанія—еще не основаніе для отрицанія: молчаніе письменныхъ памятниковъ—еще не опроверженіе того, что пріемлется Церковью за реальное, за бывшее и пребывающее; вѣра Церкви, зиждущаяся на Священномъ Преданіи,—не меньшее доказательство, чѣмъ временемъ изъѣденныя хартіи и свитки, чѣмъ обломки черепицъ и мраморныхъ плитъ, испещренныхъ полустертыми надписями! Молчаніе вѣковъ, столь долгое, столь упорное по отношенію ко многому, не разъ прерывалось на нашихъ глазахъ: открытія затерянныхъ, забытыхъ или не обращавшихъ на себя вниманія памятниковъ христіанской древности блестяще пополняютъ пробѣлы, разъясняютъ недоумѣнія и, по признанію самого вождя западной историко-богословской науки, Гарнака,—все время говорятъ во укрѣпленіе истины и точности церковнаго преданія.

Но если святоотеческія творенія намъ, православнымъ,—родныя по духу вѣры нашей, по связи съ развитіемъ просвѣщенія на Руси, и если любовь къ нимъ у народа еще и понынѣ не вымерла, то не ясно ли, что на дѣятеляхъ русской Церкви и науки

русской лежитъ обязанность сдѣлать удободоступными для широкаго круга читателей произведенія Отцовъ и учителей Церкви и, насколько это возможно, важнѣйшее и лучшее изъ обширной литературы о нихъ, и озаботиться редактированіемъ пособій къ ознакомленію съ ними въ общепонятномъ изложеніи, пособій, составленныхъ старательно, съ использованіемъ данныхъ науки, новыхъ открытій въ области древнехристіанской письменности и съ библіографическими указаніями для тѣхъ, кто пожелалъ бы или нуждался въ дальнѣйшихъ, болѣе спеціальныхъ свѣдѣніяхъ и справкахъ. Нельзя не огорчаться тѣмъ, какъ недостаточно, какъ мало у насъ дѣлается въ этомъ направленіи, сравнительно съ католиками и протестантами. Я не говорю уже объ отсутствіи у насъ самостоятельныхъ изданій текстовъ святоотеческихъ, изданій, подобныхъ тѣмъ, которыя въ настоящее время выполняются примѣнительно къ греческимъ христіанскимъ писателямъ первыхъ трехъ вѣковъ патрологическою комиссіею при Прусской Академіи Наукъ [1]) и примѣнительно къ латинскимъ церковнымъ писателямъ Вѣнскою Академіей Наукъ [2]); не говорю и о такихъ цѣннѣйшихъ сборникахъ вновь открываемыхъ памятниковъ древнехристіанской письменности и ученыхъ комментаріевъ и изслѣдованій къ нимъ, какъ издаваемые съ 1882 г. въ Германіи Гебгардомъ и Гарнакомъ [3]) и съ 1891 г. въ Англіи Арм. Робинзономъ [4]). У насъ даже переводы отцовъ

---

[1]) Die griechischen christlichen Schriftsteller der drei ersten Jahrhunderte, herausgegeben von der Kirchenvater—Kommission der Königl preussischen Akademie der Wissenschaften Leipzig, 1897.

[2]) Corpus scriptorum eccles. latinorum, editum consilio et impensis Academiae Litterarum Caesareae Vindobonensis Vindob 1866 sqq

[3]) Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur herausgegeben von Gebhardt und Harnack Leipzig, 1882 ff. Neue Folge 1897 ff

[4]) Texts and Studies; contributions to biblical and patristic literature, edited by J Armitage Robinson. Cambridge 1891 sqq--Мы вовсе не очарованы западною богословскою наукою въ ея результатахъ, далеки отъ сочувствія ея исходнымъ точкамъ зрѣнія и тенденціямъ; но напряженности интереса къ занятіямъ первохристіанствомъ и патристикою, добросовѣстности и усердію, вносимымъ въ научную сторону работъ. сюда относящихся, у нѣмецкихъ и англійскихъ ученыхъ (отчасти и французскихъ)

Церкви оставляютъ желать очень многаго и со стороны качества и полноты ихъ, и со стороны доступности пользованія ими. Нечего таить грѣха (ибо здѣсь — грѣхъ несомнѣнный противъ родной Церкви и своего народа!), что многіе изъ этихъ переводовъ далеко неудовлетворительны, что давно пора замѣнить ихъ новыми, болѣе тщательно провѣренными по подлиннымъ текстамъ, болѣе старательными по изложенію. Необходимо пополнить и пробѣлы, перевести то, чего еще нѣтъ по-русски изъ твореній Отцовъ и учителей Церкви, а также и изъ другихъ исторически важныхъ памятниковъ древнехристіанскихъ. Пожелаемъ также, чтобы изданіе переводовъ тамъ, гдѣ оно уже въ ходу, велось съ большей энергіей и подвигалось быстрѣе, чѣмъ мы до сихъ поръ видимъ. Если вспомнимъ, въ теченіе какого долгаго ряда лѣтъ, какими мелкими порціями и съ какими перерывами осуществляются у насъ этого рода труды, и если вспомнить, что англійскій переводъ доникейскихъ Отцовъ въ 24 томахъ былъ осуществленъ въ 6 лѣтъ [5]), а его второе изданіе въ 2 года [6]), что 1-я серія американской „Избранной библіотеки никейскихъ и послѣ-никейскихъ Отцовъ“ въ 14 томахъ была закончена въ 4 года, что столь же быстро подвигается впередъ вторая ея серія [7]),

---

нельзя не позавидовать. О томъ, какъ много работаютъ въ этой области на Западѣ можетъ служить наглядымъ доказательствомъ тотъ фактъ, что обзоръ изслѣдованій по древнехристіанской письменности за двадцатилѣтіе съ 1880 по 1900 г., составленный Эргардтомъ, обнимаетъ (въ двухъ томахъ) около 900 страницъ 8°. (Ehrhardt Die altchristliche Literatur und ihre Erforschung seit 1880 bis 1900. Freiburg i B 1884. 1900). Какой процентъ на эту массу составили бы наши ученыя работы за тотъ же періодъ? Многое ли писано у насъ, напримѣръ, по поводу «Ученія 12 апостоловъ», сравнительно съ болѣе, чѣмъ двумя стами западныхъ книгъ и статей о немъ? Не успѣли опубликовать вновь открытыя «Оды Соломона», какъ около нихъ выросла уже цѣлая литература; у насъ же, если не ошибаемся, пока—ничего!

[5]) The Ante-Nicene Library. Translations of the writings of the Fathers down to a. D 325 Edited by A. Roberts and J Donaldson Edinburgh, 1866—1872.

[6]) Въ Буффало, 1884—1886 A. Cl. Coxe. Въ 1887 г. вышелъ добавочный томъ, ed. by E C. Richardson; въ 1897 г.—другое добавленіе, by A Mensies Edinburgh

[7]) A Select Library of Nicene and Post-Nicene Fathers of the Christian

если сравнить эту энергію инославныхъ съ медлительностью насъ, православныхъ, для которыхъ Отцы должны бы быть особенно близки и дороги, становится и горько, и стыдно за русскія церковныя и ученыя силы.

Но даже и то, что сдѣлано,—осуществлено ли въ формѣ общедоступной? Сколько изъ переведеннаго стало недоступно за давностью изданія (напримѣръ, переводъ (неполный) Тертулліана и Лактанція сороковыхъ годовъ, Евсевія—шестидесятыхъ годовъ), или по затерянности въ періодическихъ изданіяхъ, или по очень ограниченному количеству напечатанныхъ экземпляровъ (напримѣръ, переводъ твореній Климента Александрійскаго, выполненный столь недавно и почти ненаходимый даже за очень высокую цѣну). Одно изъ условій общедоступности и широкаго распространенія книгъ—ихъ дешевизна. Извѣстенъ большой объемъ святоотеческихъ твореній и цѣна ихъ въ русскихъ изданіяхъ. Какая возможность, спрашивается, пріобрѣтать ихъ при такихъ условіяхъ множеству лицъ, не располагающихъ большими средствами, и учащимся въ частности (даже несмотря на практикующуюся для нихъ иногда скидку)? У насъ, къ стыду руководителей общественнаго просвѣщенія, не заботятся о томъ, чтобы святоотеческія творенія въ полномъ составѣ имѣлись въ народныхъ и иныхъ общедоступныхъ библіотекахъ и читальняхъ, часто усердно переполняемыхъ разнымъ печатнымъ навозомъ. Но если бы даже и было иначе, библіотечнаго пользованія „Отцами“ недостаточно: они, конечно, должны обязательно занимать почетное мѣсто въ общественныхъ разсадникахъ просвѣщенія, какъ всемірные, универсальные учители, какъ великіе наставники, между прочимъ, и для убѣжденій и нравовъ общественныхъ; но „Отцы“, именно потому, что они—

Church, in connection with a number of patristic scholars of Europe and America edited by Ph. Schaff and H. Wace. Buffalo and New York. 1886—1890 Second Series. Oxford—New York, 1890 sqq.

Отцы, должны находиться, кромѣ того, у православныхъ людей и дома, въ семьѣ, у отеческаго священнаго очага, всегда подъ рукою, для частаго, хотѣлось бы сказать,—ежедневнаго духовно-воспитательнаго пользованія ими. Для этого они должны быть изданы тщательно, но общедоступно,—дешево. Смѣемъ сказать: это возможно! Вѣдь есть же у нѣмцевъ, правда, скромное на видъ, но, по отзыву знатоковъ, въ большинствѣ случаевъ доброкачественное по переводу изданіе твореній Отцовъ Церкви въ мелкихъ и дешевыхъ выпускахъ [8]). Почему не быть такому изданію у насъ, но, я сказалъ бы, еще болѣе дешевому? Неужели препятствіе—въ „средствахъ" (денежныхъ)? Позорное препятствіе тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ удовлетвореніи первостепенной потребности духовной для блага цѣлаго народа? Надо ли доказывать, что такое изданіе—дѣло не торговаго расчета и не частной предпріимчивости? Это священный долгъ и церковныхъ вѣдомствъ, и научныхъ учрежденій, духовныхъ и свѣтскихъ. Обернемся на Западъ, на который мы такъ любимъ смотрѣть, которому такъ стараемся, кстати и не кстати, подражать: вѣдь *греческихъ* Отцовъ Церкви издаетъ въ *протестантской* странѣ *свѣтское* учрежденіе, Прусская Академія Наукъ, а латинскихъ—Вѣнская; англійскіе и американскіе переводы издала группа ученыхъ, опять—премущественно свѣтская же; даже крошечная, протестантская Данія считаетъ нужнымъ обзавестись переводомъ Отцовъ!.. [9]). А въ православной Россіи, у Церкви, у правительства, въ учрежденіяхъ общественныхъ и государственныхъ, свѣтскихъ и духовныхъ, наконецъ, у частныхъ лицъ, столь щеголяющихъ дорогими жертвами на просвѣщеніе, не найдется средствъ для того дѣла, которымъ

---

[8]) Sammtliche Werke der Kirchenvater aus dem Urtexte in das Teutsche uberseszt Kempten 1830—1854 39 т Bibliothek der Kirchenvater, Eine Auswahl der vorzuglichsten patristischen Werke in deutscher Uebersetzung, herausgegeben von Reitmayr und Thalhofer Kempten, 1869—1888 420 выпусковъ въ 80 т. 12⁰

[9]) Vidnesbyrd af Kirkefaedrene Chistiania 1880 sgg

еще наши предки сочли необходимымъ заняться и, по тогдашнему, съ успѣхомъ занимались уже на зарѣ нашего просвѣщенія?..

Важно иное затрудненіе,—недостатокъ ученыхъ и вообще рабочихъ умственныхъ силъ для дружнаго и успѣшнаго осуществленія этой задачи. Дѣйствительный ли однако недостатокъ силъ ученыхъ?—или, вѣрнѣе,—ихъ примѣненіе къ инымъ ученымъ трудамъ, при равнодушіи къ „Отцамъ", вслѣдствіе малой любви къ нимъ?.. Рабочая же сила для выполненія „технической" тяготы труда нашлась бы, подъ должнымъ руководствомъ, въ лицѣ учащихся или окончившей образованіе и жаждущей дѣла молодежи, если-бы только умственные вожди ея сами полюбили это дѣло и одушевляли бы любовью къ нему и учениковъ-сотрудниковъ своихъ. Если будетъ любовь, мы не отчаяваемся въ возможности осуществленія дѣла, даже въ его широкомъ, совокупномъ составѣ. Но до тѣхъ поръ—какъ не заняться тѣмъ, кому по положенію и способностямъ надлежитъ, хотя бы приступомъ къ частичному выполненію дѣла? Вѣдь въ этой огромной литературѣ выборъ и постепенность въ порядкѣ изданій безусловно необходимы: есть многое по существу и формѣ доступное, какъ бы созданное для широкаго распространенія [10]); есть много такого, что требуетъ подготовки и не сразу найдетъ читателя; пусть это ждетъ второй, третьей очереди! Но почему не приступить въ скорѣйшемъ времени къ изданію избранныхъ святоотеческихъ твореній и нѣкоторыхъ даже иныхъ памятниковъ древне-христіанской письменности для общедоступнаго пользованія, а кое-чего даже и для народнаго чтенія? Почему, примѣнительно къ другой потребности, не имѣть въ духѣ православной церковности провѣренныхъ, тщательныхъ педагогическихъ изданій на подобіе нѣмецкаго „Сборника

[10]) Прекрасное начало въ этомъ отношеніи, въ видѣ краткихъ извлеченій изъ святоотеческихъ твореній, положено М. А. Новоселовымъ, въ его изданіи листковъ, озаглавленныхъ: „Сѣмена Царствія Божія".

избранныхъ церковно-историко-догматическихъ первоисточниковъ, въ качествѣ основы для семинарскихъ упражненій", издаваемыхъ въ Фрейбургѣ Крюгеромъ съ 1891 г., или (съ инымъ, примѣнительно къ нашимъ условіямъ выборомъ) въ родѣ „Малыхъ текстовъ для богословскихъ и филологическихъ чтеній и упражненій", издаваемыхъ въ Боннѣ Литцманомъ? Наконецъ, почему бы нашимъ достопочтеннымъ ученымъ, историкамъ и богословамъ, проявляющимъ столько добросовѣстности и знаній въ разработкѣ ученыхъ спеціальныхъ задачъ, не удѣлить хотя бы части своего труда и эрудиціи для выполненія задачи, предназначенной не для спеціалистовъ, а для широкаго круга читателей, для укрѣпленія духовнаго тѣхъ, кто уже стоитъ въ предѣлахъ церковнаго сознанія, и для устроенія и привлеченія къ нимъ тѣхъ, кто, по невѣдѣнію или предубѣжденію, часто отъ невѣдѣнія-то и происходящему, стоитъ еще внѣ ихъ? Почему бы не приступить къ безспорно полезной, привлекательной и для ученаго, и для писателя задачѣ, къ изданію серіи научно обоснованныхъ, нетенденціозно, но искренно, въ духѣ церковномъ продуманныхъ и ясно, сжато и общедоступно изложенныхъ книжекъ — введеній къ пониманію и изученію отдѣльныхъ отцовъ Церкви, характеристикъ ихъ самихъ, какъ личностей, какъ дѣятелей, какъ писателей, на историческомъ фонѣ ихъ эпохи, и въ связи съ общимъ ходомъ развитія жизни Церкви... Что потребность въ этомъ есть даже и на Западѣ, болѣе насъ „обмірщившемся" и обезцерковившемся, тому доказательство—успѣхъ подобныхъ изданій во Франціи, гдѣ за послѣднее время выходитъ нѣсколько серій этого рода [11]). Не все, въ нихъ вошедшее, равно-

---

[11]) La Pensée chrétienne Textes et études. Paris Bloud (Ириней, Іустинъ и апологеты, Оригенъ, Іеронимъ, Тертуллианъ, Іоаннъ Дамаскинъ, Аѳанасій Великій)—Les Saints Paris Victor Lecoffre (Ириней, 2-е изд., Иларій, 2-е изд., Іоаннъ Златоустъ, 4-е изд., Василій Великій, 4-е изд., Амвросій, 5-е изд., Августинъ, 8-е изданіе).

цѣнно, не все безупречно; но, какъ бы то ни было, драгоцѣнна сама задача, отраденъ сочувственный пріемъ ея читающей публикой. Въ странѣ, оффиціально враждебно относящейся къ Церкви, все же находится масса лицъ, понимающихъ огромное просвѣтительное и воспитательное значеніе Отцовъ Церкви, святыхъ, подвижниковъ... Уже ли же у насъ, въ странѣ, которая искони звалась „Святою Русью“, общественное и церковное сознаніе и чувство совсѣмъ омертвѣли къ исконной нашей родной „отеческой“ святынѣ?.. Мы вѣримъ въ лучшее и надѣемся...

